

**Максимов Сергей Васильевич**

# **Бродячая Русь Христа-ради**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
С32

С32      **Сергей Васильевич М.**  
Бродячая Русь Христа-ради / Максимов Сергей Васильевич – М.: Книга по Требованию,  
2025. – 469 с.

**ISBN 978-5-519-94950-7**

**ISBN 978-5-519-94950-7**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2025  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## I.

— Пожертвуйте, православные, на церкву Божию, на каменное строеніе!...

Слѣдуютъ различныя указанія именъ святыхъ, Спаса, Пречистой, всего чаще Никола Угодника.

Выкрикъ довольно рѣзокъ и смѣлъ, на-распѣвъ и только на два тона. Кричитъ синій или черный армякъ мѣщанскаго покроя, круто запахнутый и высоко подпоясанный по праздничному, съ претензіей на солидность и нѣкотораго рода торжественность. Голова и подъ дождемъ и на солнечномъ припеѣ, безразлично, непокрытая и всего чаще лысая.

Прошакъ всегда почти пожилой, неизмѣнно съ книжкой, обернутой въ тафтяную черную тряпичку, съ нашитымъ крестообразнымъ позументомъ. На книжкѣ лежатъ мѣдные гроши и пятаки. Книга прошнурована. Шнуръ припечатанъ казенной сургучной красной печатью и на послѣдней страничкѣ прописано свидѣтельство какой-нибудь консисторіи.

Кто этого крика не слыхивалъ? Кто поклончивой, смиренной фигуры этого ходатая за нужду церковную не видывалъ? Это—люди, коротко всѣмъ знакомый и великому большинству всероссійскаго человѣчества любезный.

Вездѣ онъ: на столичныхъ дворахъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на деревенскихъ базарахъ, на церковныхъ праздникахъ, и въ народной толпѣ, и около лавокъ, и на церковныхъ папертяхъ на почет-

номъ мѣстѣ, впереди ишей братіи при выходахъ, въ ожиданіи тѣхъ крупицъ, которыя остались отъ сборовъ внутри церкви. Неизбѣженъ онъ въ самыхъ темныхъ уголкахъ православнаго царства и невидимъ развѣ только въ инородческихъ улусахъ, гдѣ еще до сихъ поръ плохо вѣруютъ или совсѣмъ не вѣруютъ въ Бога, да въ тѣхъ несчастныхъ мѣстностяхъ, гдѣ у самихъ нѣтъ ни гроша ни на соль, ни на деготь, ни на подати (словомъ на то, что составляетъ денежный расходъ крестьянина). За-то, въ мѣстахъ сытыхъ, въ городахъ купеческихъ и церквахъ соборныхъ, — этого люда длинная шеренга изъ цѣлыхъ десятковъ. А потому въ разныхъ мѣстностяхъ для нихъ — самыя разнообразныя прозвища: называютъ ихъ сборщиками, прошаками, запрощиками, кубраками, лаборями и т. п. Много въ рядахъ этихъ монаховъ, еще того больше монахинь, но мы выдвинемъ на внимательный осмотръ на первый разъ только армяки, круто запахнутые и высоко подпоясанные, т. е. сельскихъ и деревенскихъ выходцовъ и землепроходцовъ.

На петербургскихъ дворахъ такихъ сборщиковъ (т. е. мѣщанъ, крестьянъ и отставныхъ солдатъ) перебываетъ ежегодно больше четырехсотъ человѣкъ<sup>1)</sup>, и въ этомъ числѣ первое мѣсто занимаютъ крестьяне (въ 1869 году крестьянъ 208, мѣщанъ 76, отставныхъ солдатъ 15)<sup>2)</sup>. Монахини ходятъ рѣдко съ послушницами, но въ такомъ случаѣ непременно съ двумя; послушницы же собираютъ всегда вдвоемъ; монахи ходятъ безъ помощниковъ; крестьяне также предъявляютъ для свидѣтельства книжки, выданныя на одного человѣка.

Сколько же перебываетъ этихъ сборщиковъ въ торговой, богатой, тароватой, православной Москвѣ? И утроивъ петербургское число, — не ошибиться бы!

Почтенный количествомъ своимъ даже и въ не совсѣмъ богатырномъ и православномъ городѣ, классъ сборщиковъ подаеній на церк-

---

<sup>1)</sup> Въ управленіе градоначальства всѣхъ сборныхъ книжекъ ежегодно свидѣтельствуется до 580 (у въкоторыхъ по два и по три раза), и къ концу шестидесятихъ годовъ число сборщиковъ съ каждымъ годомъ въ Петербургѣ быстро возросло.

<sup>2)</sup> Монахинь и послушницъ 99, монаховъ 13 (въ томъ числѣ 1 архимандритъ), священниковъ 3 и 1 чиновица.

ви,—и именно изъ простонародья—поучителенъ и любопытенъ во многихъ отношеніяхъ.

Конечно прежде всего это—остатокъ очень почтенной древности: это—выходцы изъ отдаленныхъ временъ нашей исторіи, воспитанники и подражатели первыхъ наставниковъ нашихъ въ вѣрѣ и религіозныхъ обычаяхъ—грековъ. Появленіе этого оригинальнаго типа несомнѣнно относится къ той эпохѣ, когда паломничество было въ общемъ обычаѣ, когда выходилъ на промыселъ всякой пѣшкомъ, когда, бродя на своихъ доморощенныхъ ногахъ, справлялъ работы своего досужества, умѣнья и знанія всякій ремесленникъ; когда пѣшкомъ ходила даже самая торговля. Ходилъ изъ конца въ конецъ Православной Руси и странникъ за усерднымъ подаваніемъ, «апостольскимъ способомъ въ подвигъ добромъ подвизался», и притомъ съ такимъ сердечнымъ убѣжденіемъ, что способъ этотъ глубоко укоренился и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ и въ нетронутомъ видѣ дожилъ до нашихъ временъ. Проторили съ тѣхъ поръ пошире дороги, покрѣпче уватали ихъ, облегчили пути коннымъ, а прошаки (кое съ кѣмъ изъ ремесленниковъ и торговцевъ) все еще на своихъ на двоихъ, ходятъ пѣшими. Гдѣ присядетъ онъ христа-ради на облучеѣ попутной телѣги, гдѣ воспользуется пароходомъ или перевозомъ, а то—все больше пѣшкомъ по окольнымъ дорогамъ, которыя, какъ и онъ, все еще, во множествѣ мѣстъ, въ томъ же первобытномъ историческомъ видѣ. Столько же и теперь труденъ его подвигъ по безлюдью и бездорожью, какъ и тогда, когда заветшали переви на погостахъ, выстроенныхъ удѣльными князьями въ своихъ отчинахъ и дѣдинахъ, по примѣру первой христіанки Ольги (установившей погосты по рѣкамъ Мстѣ и Днѣпру), и когда собственно впервые и проявился на Св. Руси этотъ почтенный классъ дѣятелей и дѣлателей.

И теперь ученый историкъ, любознательный археологъ съумѣютъ распознать въ лицѣ прошака любезные признаки почтенной древности: въ простотѣ и краткости просительнаго стиха, не обладающаго разнообразіемъ и избыткомъ жалобныхъ словъ (хотя бы по примѣру арестантовъ, которые выучились вымаливать доброхотныя подаванія цѣлой складной пѣсней). Въ самомъ напѣвѣ въ два тона, по образцу

всѣхъ духовныхъ стиховъ, старинъ и былинъ, распѣваемыхъ старцами и слѣпцами,—тотъ же археологическій признакъ, указывающій на почтенное время бѣдности мотивовъ и отсутствія мелодій: речитативъ съ пригнуской. Не дальше стоитъ онъ выкриковъ нищихъ, и далеко еще ему хотя бы и до того вычурнаго крика, на который, напримѣръ, здѣсь же, въ Петербургѣ, раздаются припѣвы приглашающихъ купить «цвѣты—цвѣточки» и т. п. Одна только книжка въ рукахъ—продуктъ новѣйшаго времени, слабо вѣрующаго чужой совѣсти, среди соблазна мѣдными, серебряными и бумажными деньгами (очень часто довольно крупными). Кое-кто и писать умѣетъ, стало быть, не полѣнится и записать, а письменному человѣку (секретарю консисторіи) легко повѣрить все ли донесъ, что записано въ книгѣ: прошнурованныхъ же и занумерованныхъ листовъ вырвать нельзя,—засудятъ за то.

Конечно, и въ наши дни, какъ и въ далекія времена сѣдой старины, сзади сборщика—прошака разрушающаяся деревянная или каменная церковь. Расползлись или вывѣтрились углы ея; стали сквозить вѣсны, начало дуть изъ-подъ полу: еоченѣютъ ноги молещиковъ; руки священниковъ затрудняются сдерживать святыя дары; осенній дождикъ врывается въ храмъ Божій ручьями.

— Да хорошо бы и старый колоколъ подмѣнить новымъ: звонарь съ пьяныхъ глазъ разбилъ,—дребезжить и не даетъ яснаго гулку. Я на себя обѣтъ такой положилъ, что въ гробъ не лягу, пока не заведу, на поминъ души моей грѣшной,—краснаго звону.

— Ризы обветшали,—съ плечъ лезутъ. Книги грамотѣи наши все поизмызгали, да завапали, да оборвали, да растеряли: ни пѣть, ни читать!..

— Мало-ли и въ самомъ дѣлѣ всякой нужды церковной?

— Оскудѣло благочестіе: много народа въ расколъ уходитъ; сталъ народъ отъ церкви отбѣженъ.

— Еще больше уходитъ его отъ своей великой домашней нужды на чужую сторону: о серебряномъ ли кадилѣ для сельской церкви думать ему, когда онъ самъ ушолъ кормиться подъ чужіе звонкіе столичные колокола?

Какъ въ давнюю старину народъ, обманутый холодной землей и

обиженный безхлѣбьемъ и голодовками, брелъ врозь послѣ Юрьева дня осенняго искать новаго приволья и лучшихъ мѣстъ, такъ и теперь все больше и больше тянется онъ изъ-подъ погостовъ съ могилками родителей туда, гдѣ охотиѣ даютъ деньги и сытнѣе кормятъ. А остальцамъ на старыхъ пепелищахъ и теперь, какъ и въ старину, не подъ силу класть новыя заплаты на старыя широкія прорѣхи, а «матушка-церква» стала требовать коренной перетруски отъ главъ до основанія.

Все, словомъ, по старому. Измѣнилось лишь одно: съ каждымъ годомъ число прошаковъ уменьшается. Скоро можетъ случиться такъ, что этотъ коренной народный русскій типъ исчезнетъ съ лица земли нашей (уничтожить его очень легко: большого труда не стоитъ), и, сдѣлавшись достояніемъ исторіи, станетъ предметомъ догадокъ и изслѣдованій археологовъ.

Поспѣшимъ всмотрѣться въ нихъ, хотя съ тою цѣлю, чтобы и совѣмъ распрощаться: довольно они пожили, довольно походили по свѣту. Впрочемъ, мы съ тою цѣлю и начинаемъ со сборщиковъ, что предполагаемъ говорить о тѣхъ, которые еще ходятъ въ то время, когда другіе ѣздятъ, еще поютъ о томъ, о чемъ можно давать вѣденіе иными многочисленными облегченными способами; глупо толпятся тамъ, гдѣ мѣшаютъ входу и выходу другихъ и смѣшиваютъ свои выкрики съ предложеніями настоящихъ торговцовъ; словомъ, еще живутъ и дѣйствуютъ примѣтной силой, хотя на мѣсто ея можетъ встать другая сила, гораздо помоложе. Вообще запоздалые цѣлымъ вѣкомъ прошаки отстали отъ нашего мудренаго времени на столько, что кажутся одѣтыми въ гробовой саванъ, отъ котораго вѣетъ сыростью, какъ отъ стараго пергаментнаго фоліанта, какъ изъ монастырскихъ безпросвѣтныхъ погребовъ.

Поспѣшимъ присмотрѣться. Сначала, впрочемъ, попробуемъ прислушаться.

Сколько бы однообразенъ ни былъ покрой платья, употребляемаго сборщиками, умѣющими на этотъ разъ сдѣлать такъ, какъ говоритъ пословица, что всѣ волки ночью сѣры, тѣмъ не менѣе опытное ухо, прислушавшееся къ народному говору, не затруднится отгадать приблизительно, съ какой стороны Руси пришелъ этотъ незнакомецъ.

Иногда нѣтъ нужды прибѣгать къ продолжительному съ нимъ разговору, чтобы наловить много признаковъ, характеризующихъ родину.

Одно даже слово, неизбежное въ его просительномъ припѣвѣ, «церковь», сьумѣетъ указать откуда вылетѣла птица. Церковь, такъ какъ мы это слово пишемъ и произносятъ его люди образованные, принадлежитъ говору центральной Россіи, выросшей подъ вліяніемъ Москвы. Новгородчина, такъ сказать глухая лѣсная Русь, умудрилась выговаривать это слово «черква». Затѣмъ если изъ ближайшихъ къ Москвѣ жителей это выговорилъ «черковь», то это несомнѣнно тверязь или вообще житель верхней Волги, всего вѣрнѣе изъ города Торжка. Если же сьумѣлъ отчеканить такъ, что стало «тшерьковь» то смѣло говорите ему, что онъ вязниковецъ или изъ тѣхъ владимірцевъ, которые живутъ ближе къ Окѣ. За Окой, въ южной части Нижегородской губерніи, говорятъ уже «черева», не по закону, а по, обычаю той новгородчины, которая любитъ измѣнять ц въ ч, чва-кать (и на оборотъ, словно на-смѣхъ) во всей обширной мѣстности отъ псковскаго Порхова до Ладоги и отсюда до Бѣлоозера на Вологду и на Вятку. Въ отличіе отъ всѣхъ и на удивленіе всѣхъ, владимірскій переяславецъ выговариваетъ даже «цчерева».

Тутъ и тамъ древняя Русь настроила монастырей и церквей въ такомъ обилии, что какой-нибудь маленькій олонекскій Каргополь владѣетъ 2-мя монастырями и 22-мя каменными церквами, при 2-хъ тысячахъ жителей; Вологда съ 51-ой церковью и 2-мя монастырями, при 18-ти тысячахъ, и т. под. Наслѣдіе прадѣдовъ, отъ различныхъ невзгодъ ушедшихъ за Уралъ въ качествѣ первыхъ поселенцовъ Сибири, досталось въ такомъ размѣрѣ, что 100 человекъ должно содержать причтъ и поддерживать церковь. А такъ какъ весь сѣверъ значительно опустѣлъ и годъ отъ году пустѣетъ народомъ все болѣе и болѣе за то, что плохо и неувѣренно кормить, держать въ постоянной проголоди, и гонить вонъ на чужую сторону, — то само собой и «матушка-черква» нуждается въ такомъ ходатаѣ, который походилъ бы отъ нея, помолилъ бы за нее добрыхъ дателей.

Откуда бы ни сошлись сборщики подаяній, одному — двумъ изъ полуголодной сѣверной Россіи между ними неизбежное мѣсто.

Еще прислушаемся:

— На чье имя собираешь, какія имена чествуетъ и поминаетъ?

—Николу Угодника.

Мало: слабъ этотъ признакъ, не смотря на то, что Угоднику большое уваженіе на Руси за то, что расселялась Русь по рѣкамъ, по озерамъ, много плавала, подвергалась многимъ опасностямъ отъ воды, а епископу мирликійскому приписывается покровительство пловцамъ и мореходамъ. Особенно чествуютъ его при самыхъ рѣкахъ, моряхъ и озерахъ. По безлюдью Бѣлаго моря—«отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Никола», по словамъ мѣстной поговорки, да и то, должно быть, довольно старой, потому что на самомъ дѣлѣ подлиннымъ счетомъ ихъ 40 (впрочемъ, по самому берегу моря попадаетъ много придѣловъ Клименту, папѣ римскому, полагаемому вторымъ покровителемъ мореходовъ). По Зап. Двинѣ, по Виліи и по Нѣману, гдѣ православіе всего больше подвергалось гоненіямъ, народъ успѣлъ однако выстроить 109 церквей (губ. Витеб., Вил. и Ковен.) въ честь св. Николая, и изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ: Петру и Павлу 20, Георгію Побѣдоносцу 38, Пятницѣ Параскевѣ 22, Ильѣ Пророку 30 и т. д.

Вотъ и еще новые признаки въ выкрикѣ сборщика, на которыхъ весьма поучительно остановиться: признаки очень почтенные по времени и по историческому значенію.

Ушедшіе язычниками по богатымъ системамъ рѣкъ, съ юга на сѣверъ, славяне, въ тѣ времена, когда вышли къ намъ для проповѣди святаго евангелія греки, владѣли уже укрѣпленными мѣстами и имѣли возвышенные пункты и особыя мѣста, посвященныя народнымъ божествамъ и религіознымъ обрядамъ. Византійскіе греки, съ помощію князей и подъ защитою ихъ дружинъ крестя народъ и знакомя его со святыми предстателями за человѣческія нужды, сумѣли сдѣлать такъ, что на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, командующихъ обрестностями и круто оступающихся въ воду (обыкновенно въ рѣку), гдѣ славяне предпочитали избирать мѣста для богослуженій Перуну,—очутились храмы во имя Иліи. Точно также при рудникахъ, въ низинахъ и оврагахъ, при источникахъ рѣкъ, явились храмы Пятницы-Параскевы съ непремѣннымъ деревяннымъ изваяніемъ св. мученицы.

На выгонахъ городовъ, гдѣ пасется скотъ мѣстныхъ жителей, въ вѣреннѣйшій охраненію Велеса, встали христіанскія церкви во имя

священно-мученика Власія, и т. д. Факты эти чрезвычайно очевидны и послѣдовательны во всѣхъ мѣстахъ древней языческой Руси: на западѣ и сѣверѣ ея. Въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и Мстиславлѣ, — словомъ, во всѣхъ мѣстахъ, спутныхъ движенію проповѣдниковъ изъ Византіи, по Днѣпру и его притокамъ: Деснѣ, Сожу, Припяти, и т. д., первыя городскія церкви посвящены имени св. пророка Іліи. Только, когда выяснились между укрѣпленными пунктами центральные и главные, къ которымъ тяготѣлъ народъ, какъ вся Греція къ Византіи, появились храмы Господней «Премудрости» (Софіи), по примѣру великолѣпной и знаменитой византійской. Софійскіе соборы, посвященные Софіи, т. е. Премудрости Слова божія, подъ которою разумѣется второе лицо Святой Троицы, воздвигались постепенно тамъ, гдѣ устанавливался центръ народной колонизаціи: въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, на Двинѣ въ Полоцкѣ, въ Новгородѣ на Волховѣ, въ Вологдѣ и Соликамскѣ (даже въ Тобольскѣ въ Сибири), — словомъ, во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые были первыми на Руси и начальными, и коренными центрами народной защиты и управы <sup>1)</sup>.

При дальнѣйшемъ переселеніи народа, уже окрепшаго въ христіанскую вѣру и дѣйствовавшего въ дѣлахъ ея самобытно, а въ трудахъ переселенія, по голоднымъ необитаемымъ странамъ, не перестававшаго испытывать громадныя лишенія и трудности въ непролазныхъ лѣсахъ, среди безнадежныхъ болотъ, являлась единственная надежда, а за ней и горячая молитва Всемилоствому Спасу. Его имени воздвигался первый храмъ, лишь только нога людская ощущала подъ собою твердую и сухую почву и глаза видѣли обнадеживающее приволье. Такъ поступила полоцкая княжна Ефросинія въ первыя христіанскія времена на Руси (1160 г.) на р. Западной Двинѣ; точно также поступили и позднѣйшіе, самые дальніе и смѣлые выселенцы Савватій и Зосима, основавшіе обитель на морскомъ острову (Соловецкомъ), въ 60 верстахъ отъ берега и житыхъ

---

<sup>1)</sup> Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что дня празднованія Ипогасной Премудрости въ церковномъ порядкѣ не положено. Празднуютъ въ Богородичные праздники: въ Кіевѣ—въ день Рождества Богородицы, въ Новгородѣ и Вологдѣ въ день Успенія, въ Соликамскѣ—въ день Рождества, и т. д.

мѣстъ, въ 1436 году. Встали Спасы: въ Холмогорахъ (первый на Сѣверной Двинѣ), въ Тотмѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ, Нижнемѣ, Костромѣ, т. е. почти во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, извѣстныхъ своею древностью. Въ той же странѣ, Сѣверо-Западной Руси, враждебной православію, до сихъ поръ 77 Спасовъ (изъ нихъ 46 Спасовъ-Преображенія), тогда какъ только 51 Троица, 17 церквей Св. Духа. Надежда на предстательницу христіанъ, скорую помощницу и молитвенницу Матерь Спасову не замедлила въ свою очередь выразиться во множествѣ храмовъ, посвященныхъ «Пречистой», но уже въ тѣ времена, когда переселенія, отъ вѣковаго опыта, стали легче, и страны оказались наиболѣе гостепріимными.

Сборщикъ подаяній, въ перечисленіи именъ упоминающій храмы Пречистой (всего чаще Успенія и Рождества ея), вѣрнѣе запрашиваетъ на село изъ московской Руси (восточной и центральной), чѣмъ тотъ, который указываетъ на храмы Спаса, въ наибольшемъ числѣ находящіеся въ западной и самой сѣверной Россіи. Въ этомъ для насъ опредѣлительно выражается этнографическій признакъ заселенія Сѣверной Руси двумя путями: на сѣверо-востокъ по землямъ Рязанскимъ, Муромскимъ, Владимірскимъ и Московскимъ съ именемъ Пречистой и первыми храмами въ честь Богоматери,—на сѣверъ же и востокъ по заволочьямъ, заозерьямъ и за камнемъ по Сибири Новгородскими людьми съ именемъ Спаса.

Во вторыхъ и третьихъ именахъ, сказываемыхъ сборщиками, всегда возможно, помимо повсемѣстно-чтимаго Николы, встрѣтить такіе, которые прославились въ позднѣйшія времена, когда явились отечественные угодники, мѣстно-чтимыя иконы, боготворимыя извѣстными окрестностями, въ опредѣленной, поставленной во взаимныя близкія отношенія, мѣстности. Зосима, Тихвинская Божія Матерь для сѣвера и сѣверо-запада Великороссіи, Θεодосій тотемскій, Кирилль для сѣверо-востока ея же, Макарій для Поволжья отъ Калазина до Нижняго и отъ Костромы до Вологды, и т. д. Точно такъ же, какъ Знаменье указываетъ на Новгородчину, имена Бориса и Глѣба несомнѣнно укажутъ на тѣ древнія русскія населенія, которые находились въ тѣсной религіозной связи съ Кіевомъ: на Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ и проч., а мѣстно-чтимыя имена, безъ

всякихъ догадокъ, очевидно выразятъ тотъ городъ или ближайшее къ нему село, откуда вышелъ прошакъ и гдѣ проявилась церковная нужда, выскивающая въ толпахъ народныхъ сердобольныхъ и христолюбивыхъ жертвователей.

Вышелъ прошакъ прямо съ сѣверо-запада, если просить на Спаса и Николу, да при этомъ окаетъ и придзекиваетъ, да прибавляетъ Илью, либо Параскеву-Пятницу. Идетъ онъ несомнѣнно съ кореннаго сѣвера, если къ Николѣ и Спасу присоединяетъ либо Знаменье либо Зосиму съ Савватиємъ, либо Тихвинскую Богоматерь, и при этомъ окаетъ. Если же упоминаетъ онъ Кирилла, то и мѣсто родины его гдѣ-нибудь въ Бѣлозерскомъ или Кирилловскомъ уѣздѣ, въ коренной Новгородчинѣ.

Отсюда—какъ извѣстно—преимущественно уходитъ народъ и на вѣчныя времена, и на временныя отлучки для заработковъ, на столичные и городскіе соблазны, на отвычку отъ родины и на полузабытѣе всего въ ней завѣтнаго, считая въ томъ числѣ и приходскія церкви. Остается дома кое-кто: немощные да старые, очень малолѣтніе и несмышленные, походившіе и уставшіе, ничего не выходившіе и умѣющіе высиживать кое-что и дома. Все это хорошо всѣмъ извѣстно. Извѣстно всѣмъ также и то, что въ той же Новгородчинѣ и въ срединной московской Руси церковная обрядность, религіозная внѣшность всегда играли столь сильную роль, что изъ-за нихъ издавна ведется непримиримая тайная и явная борьба, выразившаяся многовѣтвистымъ расколомъ.

Тамъ, гдѣ устояли отъ соблазновъ раскола, православіе встало твердо. Приверженность къ церкви выражается самыми многоразличными признаками; любовь къ обрядовой части наполняетъ добрую долю въ цѣломъ году домашней и общественной жизни, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ доведена даже до крайностей. Приѣздъ архіерея волнуетъ цѣлое населеніе околodka отъ мала до велика; бросаются полевые работы; за архіерейской каретой бѣгутъ толпами; на архіерейскомъ служеніи захлебываются народомъ церкви, паперти и ограды. По отъѣздѣ, долго гудятъ басистые голоса въ торговыхъ рядахъ, на поляхъ и улицахъ подъ увлеченіемъ «толстоголосаго» и красиваго протодьякона. Церковныя ходы представляютъ толпы, длиною въ цѣ-